

Владимир Буров



-Учился на физфаке с 1964 по 1969 год, специальность радиофизика.

-Начинал работать в НИИ автоматических приборов, до 2002 года (до роспуска персонала в связи с закрытием). Сейчас институт закрыт.

В этом НИИ занимался разработкой СВЧ антенн, писал диссертацию, тема была закрытая, предзащита планировалась в 2001 году в Москве. Поехать не смог, к тому времени не оказалось в институте ни финансирования, ни зарплаты для работников.

Устроился работать в частную фирму начальником отдела новых технологий, где разрабатывал СВЧ-установки для сушки фруктов. Заказчики из Узбекистана вскоре обанкротились, пришлось менять профиль деятельности. Спроектировал и запустил два дефростерана на мясокомбинатах.

С 2006 по 2013 год работал в частной компании, занимающейся радиорелейной связью. Был директором фирмы. Административной деятельностью тяготился.

Поступил на службу в компанию, специализирующуюся в проектировании и наладке котельных установок тепловых электростанций. Разрабатывал запальники, СВЧ-плазмотроны, термоанемометры и прочие приборы, теперь занимаюсь математическим моделированием процессов горения и аэродинамики на компьютере.

-О семье.

Женат. Двое детей и два внука.

Дачник. Люблю копать землю и строить. Сейчас на новой даче возвожу дом и баню. Весь в планах и проектах. Внедряю в быту автоматику.

-Мои приветствия моим друзьям и товарищам по университету:

- *Геннадию Смирнову как одному из самых компанейских моих товарищей по курсу.*

- *Володе Варнеку, Захаренко Валере и Мошкину Александру. Помнится, поселили нас в одну комнату на первом курсе. С улыбкой вспоминаю наши взаимные подшучивания.*

- *Славе Неверову, Серееже Гордиенко. Мы прожизвали в одной комнате на втором и третьем курсах. Вспоминаются компании за преферансом, совместные чаепития и не только.*

- *Виталию Киму, Юре Вершинину и Вите Пивцову. Они никогда не отказывали мне в помощи решить задачи по физике и математике, поясняли непонятные места в лекциях.*

- *Вите Багрянцеву -лучшему советчику в житейских премудростях. Помню, когда у меня украли пальто, он мне отдал свое.*

- *Мише Мамину за обучение основам музыкальной грамоты. Благодаря ему моя жизнь оказалась насыщенной яркими воспоминаниями.*

- *Володе Курбатову доброму и хорошему товарищу по комнате в общежитии на четвертом курсе.*

- Мише Штейну, отличному собеседнику с лучезарной улыбкой, он для меня остался примером оптимизма.

Светлая память безвременно ушедшим моим товарищам:

- однокласснику Серёже Теремову. Мы с ним учились в одной сельской школе, вместе поступали в НГУ, жили в одной комнате в общежитии;

- Гене Храмову, трудолюбивому и неунывающему товарищу по университетскому ВИА;

- Вите Кочуру. Он всегда был лидером и душой нашей компании, я с грустью вспоминаю, как играл с ним в шахматы и преферанс.

МУЗЫКА, Я И РАДИОЭЛЕКТРОНИКА

Музыка всегда занимала не последнее место в моей жизни, даже когда я учился в НГУ. Причем здесь она оказала просто принципиальное влияние на мое будущее. Как ни странно, но все началось с моего пристрастия к радиоэлектронике, которой я увлекся в школьные годы. А теперь мои воспоминания.

Деревенский самоучка или «рок на костях»

Я учился в деревенской школе в 40 километрах от Омска в рабочем поселке Красный Яр, известном своим молочно-консервным заводом. На банках со сгущенным молоком его нынче красуется логотип «ЛюбиМо».

Время начала 60-х годов было интересное. Страна стремительно развивалась. Объявили о строительстве коммунизма, появились зачатки «демократических» свобод. Стало много импортной музыки в основном из стран народной демократии. Население покупало телевизоры и радиолы, но магнитофоны оставались редкостью. Молодежь училась танцевать чарльстон и слушала запрещенные тогда буги-вуги и рок-н-ролы, записанные на самодельных грампластинках из рентгеновских пленок, называемых «рок на костях». Подражая «стилягам», о которых везде писали, мы, пацаны, ушивали штанины брюк настолько, что прежде чем их надеть, приходилось ноги натирать мылом.

В стране началась реформа школьного образования. Суть реформы заключалась в обязательном производственном обучении без отрыва от учебы. Школа стала одиннадцатилетней. Нам, старшеклассникам, это подарило бесценный лишний год. Мой класс проходил производственное обучение на заводе, где мы больше объедались сладкой сгущенкой, чем учились. В отличие от школьников прежних лет у нас появилось свободное время, которое каждый мог посвятить как безделью, так и увлечениям.

Я увлекся радиоэлектроникой. Однако все началось раньше. Так, учась в 5-м классе, стал экспериментировать с электричеством. Сунул вилку трансляционного громкоговорителя в электрическую розетку, отчего тот страшно заорав, сильно перепугал мать. В 6-м классе, разломав старый радиоприемник, собрал схему по картинке, найденной, по-моему, в журнале «Юный техник». Испытал восторг, когда вдруг услышал голос диктора московского радио. Убедился, что радиоволны существуют.

Однако главным толчком моего увлечения явился разразившийся в то время радиохулиганский бум. Он возник как следствие широкого распространения самодельных радиостанций в виде передатчиков-приставок к радиоприемникам, которые работали тогда на лампах. Приставку мог спаять старшеклассник, умеющий мало-мальски обращаться с паяльником. Она имела единственную радиолампу, катушку и конденсатор и соединялась с радиоприемником четырьмя проводами. Вместо микрофона использовали трансляционный громкоговоритель, который имелся в каждом доме. Его тоже подключали к радиоприемнику. К приставке подсоединяли антенну – длинный провод, конец которого выносили наружу дома и растягивали между домами, а в деревне – между скворечниками.

Получалась настоящая средневолновая радиостанция. Она позволяла установить голосовую связь с другими любителями на расстояние до нескольких десятков километров. Но главное, теперь можно было обмениваться музыкой, которую часто записывали на магнитофон с западных радиостанций: «Голос Америки», «Би-Би-Си» и др., называемых в народе «вражескими голосами». Тот, кто транслировал самые свежие и наиболее качественные музыкальные записи, считался самым интересным и популярным в эфире.

Имелась одна беда – такие радиостанции запрещались службами радионадзора и органами госбезопасности. Можно себе представить, насколько опасным считалось это занятие, но зато чрезвычайно романтичным. Все радиохулиганы использовали в эфире позывные и клички. Я выбрал себе позывной «Аленький цветочек», а кличку – «Жора». Неопишуемые чувства одолевали, когда в ответ на позывной из приемника слышалось: «Аленький цветочек, я тебя слышу. Прием!». Завязывался разговор, обмен музыкой.

Среди радиохулиганов находились люди разных поколений: от школьников до пожилых людей. Случались и девчонки. Эти в технике мало чего смыслили, а микрофон «побазарить» давал кто-нибудь из друзей – мальчишек, зато они очень украшали эфир своими волнительными голосами.

Органы госбезопасности не дремали и пытались нас отловить. Для этого на охоту выезжала милиция в автомобилях, оборудованных аппаратурой, применявшейся еще во время войны для ловли немецких шпионов. И нас ловили. Однако попадались единицы, так как радиохулиганская «братва» успевала оповестить по радиостанциям всех, что охота началась и за кем-то пришли. Эфир на некоторое время замирал, чтобы через пару часов разразиться нелестными комментариями в адрес органов.

У «преступников» забирали радиоаппаратуру, пугали тюрьмой, но штраф налагали небольшой. Первостепенными оказывались моральные потери: стыдили, сообщали в школу и родителям. Комсомольские организации обычно брали арестованных «на поруки». Поговаривали, что сведения передавались в военкоматы – в толковых ребятах армия всегда нуждалась.

К окончанию школы я приобрел опыт самостоятельного конструирования радиоприемников, магнитофонов и, главное, радиостанций. Последняя моя радиостанция была настолько мощной, что ловившие органы не могли достичь цели. Им не приходило в голову, что столь сильный сигнал может исходить из какой-то там деревни.

Директор школы и учителя делали вид, что о моем радиохулиганстве не догадываются, но пристально наблюдали. Чтобы отвлечь от незаконной деятельности, мне позволили свободный доступ в кабинеты химии и физики. Приобретенное школой оборудование для радиоузла передали в полное мое управление, поэтому на школьных вечерах я «крутил» музыку, записанную, конечно, с «вражеских голосов», способствуя ее распространению.

Кроме радиоэлектроники и музыки я интересовался разной техникой. С моим школьным дружкой запускали ракеты, делали телескопы, стреляли из деревянного пистолета, который заряжали патронами от мелкокалиберной винтовки. Пытались получить тол, в результате я заработал кислотный ожог лица. Хорошо, что мать оказалась дома. Стирая белье, она плеснула мне в лицо мыльной пеной, но кожа с него все равно слезла. Всего не пересказать.

Но главный мой интерес концентрировался вокруг радиоэлектроники. Деталью для конструирования удавалось разжиться на сельском радиоузле у матери одноклассника. Она отдала на разбор несколько списанных радиостанций «Урожай» и подарила подборку старых журналов «Радио», которые я с упоением перечитывал, пытаюсь разобраться в описании схем.

Односельчане знали о моем увлечении, поэтому часто приглашали починить телевизор или радиоприемник. Я всегда приходил с электрическим паяльником, разогревал его, а

затем, окунув в канифоль, размахивал в комнате, как кадилом, под восхищенные взгляды хозяев.

Вспоминается случай. Позвали меня как-то чинить телевизор. Хозяева находились на работе, и у порога меня встретила бабушка. Увидев перед собой худенького мальчонку, не похожего на мастера, она испуганно запричитала: «Ой-ой, пропал телевизор! Пропали наши три тыщи рублей!» Это она так перевела стоимость телевизора на старые деньги. Услышав это, я вздумал подшутить. «Неси-ка, бабуля, топор, телевизор стану чинить», – приказал я. Та забегала, причитая теперь уже во весь голос, но топор принесла. Я вскрыл крышку телевизора, засунул топор в его чрево и разогрел паяльник. Потянуло канифольным дымом. Бабулька схватилась за сердце. Я перепугался за нее, но телевизор вскоре заработал, и она успокоилась. Не знаю, чего такого наговорила бабуля обо мне хозяевам, но те шутки не оценили и пожаловались моей матери. Помню, она меня отругала. После соседи, узнав про этот случай, пересказывали на разные лады как некую историю о «мастере топора и паяльника». Больше я старался не шутить.

Особо скажу об игре на музыкальных инструментах. В возрасте десяти лет я стал на стороне поигрывать на гармошках, какие попадались под руку. Мать выписала по почте гармонь-хромку, решив: «Пусть мальчик лучше «пилит» на гармошке, чем начнет с пацанами хулиганить». Вскоре я сносно стал играть. Теперь, когда в доме собиралась компания соседей, меня приглашали подыграть песню или плясовую. Меня кормили за общим столом и наливали один стакан браги, как говорили тогда, «для куражу». Кто-нибудь приговаривал настоятельно примерно такие слова: «Играй, Вовка. В жизни может случиться такое, что гармошкой придется зарабатывать себе на кусок хлеба». Тогда еще у всех на виду ходили изувеченные войной мужчины, промышлявшие «на харч» игрой на каком-нибудь инструменте. И я от души старался.

А в классе в 10-м мать купила мне баян. Но она опоздала с покупкой – я уже всерьез увлекся радиоэлектроникой.

Музыка и мои университеты

Вот с таким «багажом» после окончания школы я задумал поступать в Томский институт радиоэлектроники (ТИРЭТ). Зато мой одноклассник Сережа Теремов собрался ехать в Новосибирск поступать в НГУ. В отличие от меня, «круглого хорошиста», он окончил школу с золотой медалью и потому имел, как считалось, моральное право поступить в столь высокий вуз. Поскольку приемные экзамены в НГУ устраивались на месяц раньше, я увязался за ним. Неожиданно для меня, мы оба поступили на физфак. Спасибо нашим хорошим школьным учителям.

Осенью нас, первокурсников, отправили на месяц в село Морозово на картошку. Разместили в помещениях пионерского лагеря. Увидев радиоузел и знакомую технику, я тут же устроился рядом с ней. Утрами после завтрака лагерь выходил в поля копать картошку, а вечерами после ужина я включал в радиоузле магнитофон, и все танцевали. Это была моя стихия.

На время учебы нас заселили в общежитие по улице, называемой нынче именем Валентины Терешковой. Учеба не только для меня, но и для многих первокурсников, оказалась тяжелым испытанием. Тем не менее, в общежитии вечерами устраивались танцы под магнитофон: музыкальная жизнь не затихала. В комнате, куда меня поселили, проживало пять человек. Помню, Володя Варнек среди нас играл на гитаре, и я тогда не предполагал, что на следующий год буду мечтать о том, как освоить этот инструмент.

И вот сданы экзамены, мы – второкурсники. Месяц июль. Большинство наших ребят, разъехались по стройотрядам. Наш отряд направили под захолустный городок Каргат. Нам предстояло в течение месяца лить фундаменты под птичник. Жили в палатках возле

строительной площадки. Ближе к ночи разводили костер и устраивали танцы под магнитофон. Помнится, девочки замечательно пели, а мы, ребята, больше молчали, курили. Скучали.

Как-то из соседнего стройотряда в гости приехал наш сокурсник, Володя Ситников с гитарой. У костра собрались все, даже те, кто обычно рано ложились спать. Пели под гитару с вечера до утренней зари. Песни исполнялись в основном туристические, развеселые, которые мне раньше не доводилось слышать. После прежних скучных вечеров этот выдался особенно интересным, и на всех произвел сильное впечатление. Я решил: нужно обязательно освоить гитару.

Когда вернулись в Академгородок, меня направили жить в общежитие по улице Пирогова 5. Устроился я в комнате на первом этаже с шестью однокурсниками. Теперь мы чувствовали себя увереннее, чем на первом курсе. Появилась возможность между занятиями приступить к прежним увлечениям, и я взялся собирать приемники и усилители. Купил дешевенькую магнитофонную приставку «Нота». Съездив к своему другу в город Омск, привез несколько магнитофонных катушек с хорошей импортной музыкой и стал проигрывать ее в общежитии.

Началось повальное увлечение бардовской песней, и в Академгородок стали с концертами приезжать барды: Юрий Полоскин, Юрий Кукин, а затем Женя Клячкин. Выступали они в кинотеатре «Москва». Всякий, кто владел магнитофоном, норовил сделать запись концерта, расположившись на полу перед сценой на коленях. Начало каждой песни оглашалось щелчками включаемых магнитофонов. Иногда это так пугало исполнителя, что тот сбивался, просил магнитофоны не выключать, но записывать никто не запрещал – популяризация считалась важнее.

Теперь всякий, кто мог держать гитару, «рубил» на ней 3 – 4 аккорда. Этого хватало, чтобы подражать любимым бардам. Теплыми вечерами через дорогу от общежития на полянке в лесу студенты разводили костер. Вокруг него собирались компании, пели песни. Некоторые ребята приходили с гитарами. Я стал намеренно ходить к костру, чтобы освоить азы гитарного боя, поупражняться в игре.

Вскоре у меня возник интерес к другому музыкальному направлению. Тогда мы учились на третьем курсе. Мамин Миша решил собрать вокально-инструментальный ансамбль (ВИА) в стиле модной тогда группы «Битлз». В группу Миша привлек Гену Храмова для игры на бас-гитаре и Володю Курбатова в качестве ударника. Играть на ритм-гитаре нашел старшеклассника по имени Саша из местной школы, а сам взялся осваивать соло-гитару. Все электрогитары ребята мастерили своими руками. Под струнами устанавливали самодельные звукосниматели с электромагнитами, извлеченными из телефонных трубок. Подозреваю теперь, сколько телефонов-автоматов оказалось изувечено. Помнится, вместо барабана Володя Курбатов использовал обыкновенный стул, обстукивая его сидение палочками. Этого хватало для тренировок. Впоследствии нашли остов от настоящего барабана и долго подбирали пленку для его обтяжки, чтобы та от удара не лопалась. Нашли и тарелку. Чтобы та «шипела», на нее повесили цепочку от унитаза-ного бачка. В отличие от бардовских семиструнных гитар эти имели шесть струн, а на бас-гитару вообще натягивали четыре струны. На таких гитарах никто не умел играть. Миша осваивал их по ходу дела. Он подбирал мелодию и аккорды, затем показывал ребятам, как исполнять. Среди гитаристов в группе только он имел музыкальное образование. Репертуар состоял в основном из песен «Битлз».

Я мечтал приобщиться к Мишиному коллективу. Вместе с ребятами изучал приемы игры на всех инструментах, но меня в ансамбль не брали. Наконец представился случай сбыться моей мечте. Миша решил выступить со своей командой на танцах в общежитии, но не хватало усилителей. Тогда я дал свой, и Миша поручил мне управлять всей аппаратурой. Теперь я гордо сидел среди музыкантов как звукооператор. Если оркестровая тех-

ника, как теперь говорят, принималась «глючить»: гудела и визжала динамиками, я крутил ручки настройки, чтобы усмирить бьющие по ушам звуки.

Вскоре мне стали позволять «стучать» на барабанах во время выступления, и я чувствовал себя «на седьмом небе» от счастья. К бардам я потерял интерес. На следующий год Миша объявил, что коллектив свой распускает. Мы восприняли это как предательство. Гена и Володя особенно переживали. Миша долго оправдывался, говорил, что его новый коллектив будет профессионально работать в доме культуры «Юность». В общежитии снова стали танцевать под магнитофон. Но я уже не видел себя без оркестра.

Однако «свято место пустым не бывает». Подросло новое поколение «битломанов». Новички оказались на год младше нас: два физика Сережа и Миша и математик Андрюша из соседнего общежития. И все повторилось сначала: изготовление самодельных гитар, обтяжка барабана, репетиции вечерами в комнате. У ребят не хватало ударника. Тут моя кандидатура пришлась кстати.

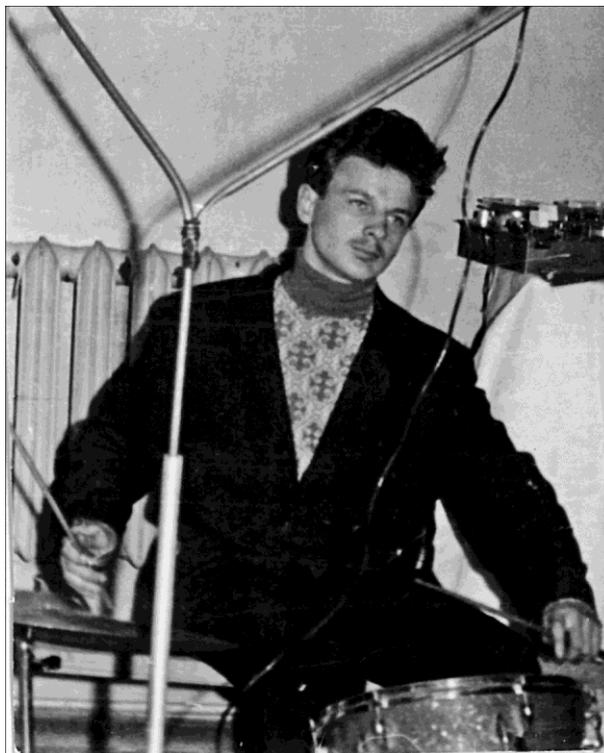
Совершенствуясь в электронике, мне удалось, изменив схему магнитофона, добиться эффекта реверберации. Так называется искусственное эхо. Звук микрофона или гитары, пропущенный через мой аппарат, становился красивее. Новый коллектив стал выступать в общежитии на танцах, а иногда в холле НГУ. Я гордо восседал на стуле, одной палочкой стучал в барабан, другой «молотил» по тарелке.

Должен сказать, что много времени в этой группе я не тратил, поэтому счастливо окончил пятый курс и защитил дипломный проект, о чем будет сказано ниже.

Купинские «Битлы»

Моя музыкальная деятельность в НГУ на этом не закончилась. Время – конец июня после защиты дипломного проекта. Я только что получил диплом, значок об окончании Вуза и билет офицера запаса. Тут-то и нашел меня сокурсник Володя Смахтин. Он предложил мне принять участие в стройотряде вместе группой ребят-музыкантов. Я сначала вытаращил на него глаза от изумления, однако выяснилось следующее. Володе комитет комсомола поручил возглавить стройотряд из второкурсников для строительства каких-то объектов в райцентре Купино. В качестве нагрузки требовалось выступать с агитационно-художественной самодеятельностью в деревнях Купинского района. Однако желающих петь и плясать среди стройотрядовцев не оказалось. И Володя ничего лучшего не придумал, как с моей помощью «затащить» в стройотряд наш музыкальный коллектив. Обещал заплатить всем как стройотрядовцам. Я считал затею безнадежной, но пообещал ему попробовать.

Получилось вот что. Ребята-музыканты, с которыми я играл, сдав сессию, успели разъехаться по домам. К счастью, Володя заранее подсуетился. Он договорился с ребятами-математиками со второго курса. Эти, недавно организовав свой ансамбль, рвались начать музыкальную деятельность. Не скрою, ребят этих я знал раньше и как-то помогал



с инструментами, когда они решили выступить на танцах в общежитии, а однажды на студенческой свадьбе. Двое из них имели музыкальное образование и хорошо пели на два голоса. Я удивился, что никто из ребят не уехал домой, хотя экзамены сдали. Встретив меня, они предложили место ударника, вместо своего.

Теперь нас, как «Битлов», стало четверо. Инструменты и усилители кое-как собрали, в том числе мой магнитофон-ревербератор. Комитет комсомола внес свою лепту: он нашел нам синтезатор «Юность», но играть на нем было некому. Не хватало медной тарелки. Но главное, что бросалось в глаза: репертуар состоял в основном из песен известных групп «Битлз», «Энималз» и «Кинкс», и все они исполнялись по-английски. Русский текст содержала единственная песня со словами: «В каждой строчке, только точки...» Помню, от нее, как теперь говорят, «тащились» девчонки.

В Купино нас разместили в помещении рядом со стройотрядовскими ребятами, выделив отдельную комнатенку. На следующий день нас познакомили с первым секретарем комитета комсомола, а тот – с директором местного клуба. Директор оказался человеком музыкально одаренным, мог играть на всем, что издает звук, и с удовольствием согласился с нами участвовать, но только на танцплощадке в Купино. Ему поручили синтезатор. Местный духовой оркестр на время отправил «в отпуск», а мне вручили медную тарелку, на которую я навязал привезенную с собой цепочку. Теперь мы имели комплект ударных, хотя и минимальный, и органиста для игры на синтезаторе.

Для начала нам предложили показать себя игрой на танцплощадке в парке. С первыми аккордами вокруг нас собралось, казалось, все Купино. Впереди всех, демонстративно скрестив руки на груди, стоял преподавательский коллектив ближайшей школы. Концерт начался. Молодежь завелась с пол-оборота и кинулась неистово танцевать. Послышались одобрительный свист и визг, чего, по-видимому, не случалось здесь раньше. Наши стройотрядовцы находились среди местной молодежи.

В полночь заявила милиция и приказала прекратить игру. Нас провожала большая компания молодежи, несли наши инструменты. Мы враз оказались в центре внимания, на которое не претендовали. Казалось, что все нами довольны, даже школьный коллектив учителей, долго выяснявший у ребят, почему те слово «love» произносят не так, как написано в учебнике.

Обнаружились и недовольные. Обеспокоилась милиция большим скоплением молодежи в одном месте. Партийным органам не понравилось, что пели не по-русски.

Эти недовольства были высказаны Володе Смахтину, и на следующий день он повел меня как старшего к первому секретарю комитета комсомола. О произведенном «фуроре» и претензиях того известили. Тем не менее, он предложил нам план агитационных поездок по деревням района. Затем сообщил, что есть договоренность с местными властями: там, где мы будем выступать, нас накормят или дадут небольшие денежные средства на пропитание. Таким образом, с Володи частично снималось бремя «прокорма» музыкантов.

И вот первое наше выступление на сцене малюсенького деревенского клуба. Народу набилось полным-полно. В переднем ряду перед звуковыми колонками расселись самые уважаемые пожилые люди, а еще ближе к сцене на полу устроилась детвора. Первым выступил руководитель, поздравив передовиков с трудовыми успехами. Все захлопали. Наступила наша очередь. Мы «вдарили» на полную громкость. От неожиданности ребятня разбежалась кто куда. Старики, зажав уши руками, замотали головами. Мы закончили первую песню. Из первых рядов слышались недовольные возгласы, что звук слишком громкий, и не понятно, о чем поют. Только молодежь на задних рядах и в проходах одобрительно засвистела, она все поняла. Концерт продолжился... После выступления завлукбом под мою диктовку написал отзыв. Что, мол, концерт оказался замечательным, агитационная работа произведена на должном уровне и подняла у народа дух социалистического соревнования. И далее «лабуду» про все такое. Зря что ли меня учили истории КПСС

и научному коммунизму? Нас накормили и вернули к вечеру в Купино. Володя Смахтин с удовольствием прочитал отзыв и переправил его в комитет комсомола. Пока все шло хорошо.

Через день нас привезли в следующий населенный пункт. История повторилась, и завершилась еще лучшим отзывом. В демагогии я совершенствовался.

И так, дело пошло. В выходные дни мы играли на танцах в Купино, а среди недели разъезжали по деревням. План мы выполняли.

Помню, на одном из наших концертов оказалось маловато молодежи. В середине выступления поднялась боевая женщина и громогласно заявила: «Кончай гнать иностранщину. Желаем слушать на нашем языке». Мы спели по-русски про «строчки и точки» и как-то завершили концерт. Народ еще не успел подняться на выход, как на сцену вышел кто-то из начальства и объявил: «Товарищи! Всем оставаться на местах. Прибыли с концертом студенты из Новосибирской консерватории». Мы за кулисами собирали инструменты, когда на сцену вышли консерваторцы. Раздались радостные аплодисменты, и кто-то объявил, что исполняется такое-то классическое произведение, причем на итальянском языке. Мы прыснули от смеха и из-за кулис наблюдали, как люди в зале вначале обреченно «сникли», затем, не дослушав концерт теперь уже итальянского песнопения, потихоньку покидали клуб. Отзыв мы получили просто изумительный.

Меня вызвали к первому секретарю комсомола. Тот похвалил за хорошие отзывы, затем с ухмылкой заявил: «А народ-то недоволен. Поете-то вы, ребята, не по-русски. Вы бы, – дипломатично добавил он, – хотя бы перевели на русский язык, о чем вы там поете». Потом сказал: «Нужно бы покритиковать капитализм. Вы же – агитбригада!». Я отправился исполнять директиву. Переводил песни по словарю долго и мучительно. Английского языка не знал, так как в НГУ изучал немецкий. Старался переводить как можно ближе к тексту. Затем «присобачил» к переводу, как просили, политическую подоплеку. И вот что из этого получилось.

В каком-то деревенском клубе опять полно людей. После обычного представления завклубом я принялся наговаривать в микрофон мой перевод песни с политическим подтекстом: «В мире капитала все продается и покупается: честь, совесть и даже любовь. “Я куплю тебе дорогая алмаз, чтобы ты полюбила меня”. Но честная девушка ответила: “Нет, моя любовь не продается. Ее не купишь ни за какие деньги!”». Кто знаком с битловской классикой сразу узнает, о какой песне идет речь. После этого я стучал палочкой о палочку: «One, two, three, four», – задавая ритм, и мы начинали концерт.

Следующая песня начиналась в таком же духе: «В США более четырех миллионов безработных (цифра мною взята «с потолка»). Особенно тяжело приходится женщине в этом жестоком мире капитала. “Я увидел ее, несчастную, одиноко стоящей там, ожидающей, кто подойдет”». Не трудно догадаться, о ком шла речь в песне. Дальше ребята пели, подражая Битлам. Все! Тем самым мы выполнили наставления главного комсомольца. Далее привычно «молотили» свой концерт до конца.

Теперь народ не находил повода для возмущения, партийцы тоже не могли прилюдно оспаривать текст перевода. Мы с агитационной работой справились, и отзыв получили отличный.

Со временем мы, музыканты, изрядно поизносились. У каждого имелся единственный комплект белья. Транспортировка аппаратуры и дорожные переезды постепенно приводили нашу одежду и обувь во все более неподобающий вид.

Особенно плачевное состояние оказалось у меня с обувью, ведь мне приходилось много ходить пешком по Купино и ездить на попутках по деревням, чтобы «утрясти» кое-какие вопросы с местным руководством. Туфли мои стали распадаться, подошва у правого ботинка надорвалась, и я ее подвязывал шнурком, чтобы не мешала ходить. От носков целыми остались только резинки. Иногда на сцене, когда я притопывал ногой, чтобы от-

бывать ритм, шнурок развязывался, и на свет появлялись голые пальцы. Зрители считали, что наша рваная одежда и обувь – это битловский стиль одеваться. Мало кто знал, что Битлы-то как раз выглядели одетыми «с иголочки». Помню, что в местном универмаге из обуви продавались только ботинки на резиновой подошве с верхом из материи, а носки и раньше-то находились в дефиците. Я, конечно, ботинки купил, но проносил их не более трех дней. Они развалились во время концерта и веревочкой никак не подвязывались.

Не могу сейчас вспомнить, где и как мы мылись. Кажется, умывались во дворе.

Неустроенная жизнь стала надоедать. Первым захандрил соло-гитарист. Он позвонил домой и ему родители прислали денег на дорогу. Он уехал. Я не находил места от отчаяния. Как выступить без соло-гитариста и певца? И вдруг осенило. Оказалось, что на моем магнитофоне остались записанными на пленку голос уехавшего товарища и звук его гитары. Мы были спасены. Теперь прежде, чем начать исполнение песни, я запускал магнитофон. Едва заслышав звук соло-гитары, мы втроем подхватывали мелодию и ритм. Получалась полноценная музыка с солистом, которого на самом деле не было. Мы для себя открыли исполнение под фонограмму. Таким составом нам удалось дать несколько концертов.

Чтобы окончательно выполнить наши договоренности перед комсомолом и стройотрядом, осталось сделать одно-два выступления в деревнях и обеспечить музыкой один раз танцы в купинском парке.

Тут меня опять вызвали в комитет комсомола. Помню, что в этот раз меня встретил кто-то из вторых секретарей. Он с порога заявил, что с этого момента наша музыкальная деятельность прекращается. На каком основании? Оказалось, следующее. Прошел слух, что на сцене вместо нас играет магнитофон, мы только раскрываем рты перед микрофоном да делаем вид, что дергаем струны. Недовольными остались и партийные органы. Мол, вместо обличения капиталистического образа жизни, мы, якобы, наоборот, прославляем его перед советским тружеником.

Появился Володя Смахтин. Он купил нам билеты в общий вагон поезда до Новосибирска и дал денег, чтобы мы смогли разъехаться по домам. Наша музыкальная деятельность закончилась. Особой радости у нас не было, не испытывали мы и огорчения.

На оплату со стороны стройотряда мы не рассчитывали. Однако через несколько месяцев Володя меня нашел. Он сообщил, что нам, музыкантам, причитается некоторая сумма денег и полностью с нами рассчитался.

Музыка и жизнь

Но каким образом музыка повлияла на мое будущее? А вот каким.

На старших курсах я стал специализироваться в области распространения радиоволн в атмосфере. Нам читали спецкурсы и возили на ионосферную станцию в поселок Ключи под Академгородком на практику. Я мечтал получить задание на дипломную работу и, если повезет, в дальнейшем остаться здесь работать. За мной закрепили шефа, собиравшего материал себе на диссертацию. Понимая всю серьезность своих намерений, я летние каникулы после четвертого курса решил посвятить своему будущему: устроился работать на эту станцию в качестве техника. Здесь я собирал специальные радиоприемники для каких-то полевых измерений. Вот где пригодились мои школьные увлечения радиоэлектроникой.

Наконец последний курс. Мы, пятикурсники, готовимся получить задание на дипломную работу. Миша Мамин по-прежнему отдает часть времени работе в рок-группе. Теперь он в музыке почти профессионал: днями, как и все, учится, ходит в НИИ на практику, и лишь вечерами играет на синтезаторе в доме культуры. Такая занятость считалась нормальной. Многие студенты и тогда подрабатывали кто где.

Как-то ночью он принес свой синтезатор в общежитие. Можно представить мою радость, когда я увидел белым днем невиданный инструмент, к которому открылся свободный доступ. Вечером студенты ушли в столовую на ужин, а я принялся изучать инструмент. Пробовал брать аккорды, испытывал на громкость через усилитель. Стоял теплый сентябрь, окна раскрыты настежь. Не трудно представить себе, каким аккордным воем оглашались окрестности общежития. Далее случилось следующее.

В этот день, какая-то делегация, как говорили потом, изъявила желание посмотреть, как живут наши студенты. Повел ее в общежитие наш замдекана Рывкин Моисей Соломонович. И вот, навстречу громким звукам вся компания вошла в комнату. Моисей Соломонович, красный от возбуждения, сразу закричал: «Прекратить! Кто такой и почему?». Я при виде большого числа любопытных глаз испуганно ответил, что пятикурсник, что у меня свободное время, жду задания на дипломную работу, случайно сюда зашел и решил испытать инструмент. Рывкин в ответ пригрозил, что лично ко мне присмотрится. Я поклялся, что через пару дней добьюсь получения задания, а к инструментам больше не притронусь.

Теперь мне позарез требовалось задание на дипломную работу. Но мой шеф все тянул с этим вопросом и тянул, а я в нетерпении слонялся без дела. Вот и декабрь наступил. Мои сокурсники с головой в работе. И вновь возник Миша Мамин с инструментами. Теперь в комнате объявилась ударная установка с огромным барабаном во главе и несколькими поменьше. Естественно, глаза у меня разгорелись. Ну как не попробовать? Я принялся колотить!

И вновь на мою беду появилась делегация во главе с Моисеем Соломоновичем. Только эта компания была уже нашей, университетской, вместе со студенческим советом. У них, как потом говорили, перед выходом решался вопрос, почему у студентов недостаточная успеваемость. Решили, что причина – шум в общежитии. Полагаю, что члены делегации издалека меня услышали, если буквально ворвались в комнату. Моисей Соломонович даже ногой топнул, увидев снова меня. Я побелел от ужаса. «Опять ты! – взревел он. – Дипломную работу пишешь?» Я соврал, что пишу. «Кто руководитель? Завтра проверю. Если не пишешь, отчислю!». Я испугался не на шутку. Через день пошел к деканату, чтобы прочитать на доске приказ об отчислении. Но приказа не оказалось. Зато обнаружил объявление: «Кто желает дипломироваться и распределиться в институт радиолокации, звонить...» Я воспринял это как спасение, не мешкая, созвонился и на следующее утро поехал.

Институт оказался на окраине Новосибирска. Добираться до него нужно было на двух-трех автобусах, а затем на трамвае. Все усугублялось тем, что зима с 68 на 69 год выдалась суровая. Морозы стояли иногда за 40 градусов. Транспорт приходилось ждать иногда более пол часа, а на мне было рваное осеннее пальтишко и шапка с оторванными ушами. Помню, в тот раз сильно замерз, пока добрался. На территорию меня не пустили, так как институт считался «закрытым», и мой будущий шеф, начальник лаборатории встретил меня в проходной. В отделе кадров дали заполнить анкету на оформление формы допуска и сказали, чтобы явился через пару месяца. Я стал сопротивляться, мол, как же быть с дипломным заданием? Тогда шеф набросал на клочке бумаги задачки, которые мне предстояло решить, посоветовал, какую использовать литературу. Во всем виделись радиоволны. Стало ясно – это мое. Я уехал, кое-как отогревшись.

После еще несколько раз приезжал к шефу в лютые морозы, чтобы показать результаты. Меня по-прежнему не пускали на территорию института, ждали разрешения из Москвы. Шеф добавил задачек, стало ясно, что ему не до меня. Мне надоело ездить, чтобы мерзнуть часами, и я решил самостоятельно приступить к выполнению дипломной работы на основании решения тех задачек. В общежитии почти все пятикурсники уже работали

над выполнением дипломных заданий. Я так увлекся математическими расчетами, выводом формул и построением графиков, что не заметил, как наступила весна, апрель месяц.

Закончив расчеты, я написал пояснительную записку. Нашел машинистку, которая мне напечатала все в трех экземплярах и даже помогла с брошюровкой. Окрыленный, поехал к шефу, чтобы показать свой опус и получить нужные подписи. Допуск на меня пришел. Мне выдали пропуск, и я прошел на предприятие.

Шеф, увидев меня, очень удивился, так как полагал, что я оставил идею у него дипломироваться. Затем предложил приехать на следующий день, а когда я вновь предстал перед ним, сказал, что дипломную работу прочитал и написанное одобряет. Затем заявил: «В твоей работе не хватает экономической части». «Какая еще экономика? – запротестовал я. – Нас такому не учили!». «А у нас сейчас, – сказал шеф, – внедряется новое сетевое планирование. Ты должен написать, как будет выполняться научная работа в свете этого планирования». Меня как будто окатили холодной водой. Читать о сетевом планировании я помчался в библиотеку. Вскоре мне с этим вопросом удалось разобраться. Я нарисовал сетевой график, сделал его описание. Знакомая машинистка допечатала главу, заново переплели экземпляры пояснительной записки.

И вот защита дипломного проекта. Понимая странность новой главы, я заранее упрощил шефа присутствовать на защите. Пока выступал, члены комиссии, в состав которой входил и Моисей Соломонович, листали пояснительную записку, перешептывались и передавали ее друг другу, водя пальцами по тексту. Я закончил доклад. «А что это у Вас за ссылка такая на статью “Беречь время ученого” автора Михаила Лаврентьева?» – Ехидно спросил один из членов комиссии, а кто-то добавил: «И что это еще за такое сетевое планирование НИР?». Я стал заученно отвечать, что ученого, как и всякого работника, надо контролировать. Для этого ему должен быть выдан план. Вот здесь как раз показан новейший метод планирования времени ученого, разработанный под руководством самого академика Аганбегяна и т.п. Стало видно, моя тирада подействовала на комиссию хуже, чем красная тряпка на быка. Я упал духом. Выручил шеф. Он поднялся с места, и его попросили выйти вперед и стать рядом со мной. Он заявил: «А нам в нашем оборонном институте спускают жесткий план и за невыполнение его... – и многозначительно помолчав, добавил. – И мы всех студентов заставляем писать такую главу, чтобы те, придя к нам, могли сразу включиться в выполнение Государственного плана...»

Кажется, комиссия растерялась. Государственный план! Это – как приговор. Я впал в ступор. Не помню, о чем меня еще спрашивали, что я отвечал. Все видели мое состояние. Поставили оценку «хорошо». А что Моисей Соломонович? Он, конечно, помнил наш конфликт и меня узнал. Тем не менее, не обмолвился ни единым словом в мой адрес. Он просто меня пожалел...

В дальнейшем я проработал в том институте 23 года вплоть до ельцинской перестройки, когда финансирование «оборонки» уже практически прекратилось. В нем я занимался вопросами распространения радиоволн и разработкой СВЧ-антенн, а электроника здесь оказалась непрофилирующим предметом. Однако последние двенадцать лет пришлось заниматься ею и уже всерьез. Мне пришлось разрабатывать приборы для энергетики. Школьные увлечения нашли свое применение.

А что же с музыкой? В первые шесть лет моей трудовой деятельности в НИИ мне повезло участвовать в местном вокально-инструментальном ансамбле в качестве бас-гитариста, научился играть по нотам. На конкурсе «Алло, мы ищем таланты!» даже получил приз из рук композитора Олега Иванова. Это оказалась настоящая бас-гитара фирмы «Орфей». Так пригодились мои университетские увлечения музыкой и опыт участия в студенческих музыкальных коллективах.

А по результатам упомянутой дипломной работы я написал статью и выступил с докладами на конференциях в Ленинграде и Иркутске. Теперь того института нет, он закрыт навсегда. Жаль, ведь в нем прошли лучшие годы моей жизни.

О СТУДЕНЧЕСКИХ ПОДРАБОТКАХ

Многие студенты, начиная с четвертого курса, устраивались в научные институты, чтобы подработать. Чаще всего их оформляли лаборантами на полставки. Главной причиной подработки, конечно, был недостаток денег. Но институтская сторона тоже была заинтересована в студентах, особенно в конце года. Почему? Говорили, что иногда поступившие в институт деньги оказывались к концу года не реализованными. Возникало опасение, что в следующем году финансирование института будет урезано. Поэтому денежные средства нужно было как-то истратить.

Брали на временную работу студентов и третьего, и даже второго курсов. Задание давали обычно какое-нибудь несерьезное. Я помню, как на третьем курсе устроился месяца на два на временную работу в один из институтов. Узнав о моих пристрастиях к радиотехнике, мне поручили спаять схему, состоящую из реле числом более сотни штук. И я спаял. Результата, правда, не дождался: закончился срок подработки. Однако вскоре мне сообщили, что когда мою поделку подключили к вычислительной машине, та «сгорела». Скорее всего, это было сказано в шутку. Хотя, как знать...

Помню подработку по очистке снега с крыш институтов. Она востребованной становилась ближе к весне. Такая работа считалась серьезной, и на нее кого попало, не брали. Нужна была протекция. Гарантом выступал кто-нибудь из студентов, кто уже имел опыт управляться со снегом. Нас, студентов, осматривали, выдавали лопаты, а для страховки снабжали веревками, чтобы мы не свалились с крыши. Проводили с нами инструктаж. Все, как положено. Но мы тогда были так молоды, бесшабашны и бесстрашны, что о возможных травмах не очень беспокоились и о веревочных страховках забывали сразу, как только влезали на крышу. Практически каждый из нас мог рассказать, как потеряв опору под ногами, скользил по скату крыши вниз, и только ограждение спасало от падения в лучшем случае со второго этажа. Вспоминая сейчас те случаи, удивляюсь, как никто из нас не свалился, не покалечился. Легкие мы тогда были, как перо. Зато после выполнения работы мы возвращались в общежитие мокрые и продрогшие, но счастливые от того, что плоды наших трудов всякий мог видеть. Оплаты за труд ждали нетерпеливо, долго, иногда больше месяца.

Но здесь я хочу рассказать о необычной подработке: о работе в местном ресторане.

Официально в ресторан устроились работать двое наших ребят: Слава Неверов и Сережа Гордиенко, оба – сторожами. Но на Сережу возлагалась дополнительная обязанность – он служил «вышибалой». Ему приходилось выпроваживать изрядно подвыпивших клиентов перед закрытием ресторана, а в случае сопротивления вызывать наряд милиции. Когда зал пустел, повара и официантки расходились по домам, заканчивалась уборка помещений, тогда заступал на дежурство сторож. Принимая на работу двух студентов, администрация ресторана знала, что за этими двумя стоит команда друзей. Считалось справедливо, что наличие мужской компании сторожей внутри ресторана ночью, является гарантией от возможного проникновения хулиганов или тех же самых ранее выдворенных, страждущих выпить клиентов. И такое иногда случалось. Конечно, сторожу указывали, чтобы он не запускал в ресторан посторонних, но если это говорилось о друзьях, то больше для порядка.

Как правило, последним покидал заведение шеф-повар. Перед этим он давал обязательную инструкцию сторожу: включить автоклав в три часа ночи. Затем гасил освещение в зале. Выждав некоторое время, сторож мигал лампами, для студенческой братии, которая в нетерпении находилась снаружи ресторана, эта манипуляция со светом означала, что вход в ресторан свободен.

Кто такие были эти друзья-товарищи сторожей, зачем они так стремились ночью в ресторан и что они там делали?

В друзьях числились Кочур Витя, Сережа Теремов и я, поскольку проживали в одной комнате со сторожами. К ресторану у нас имелся, прежде всего, пищевой интерес. На кухне оставался нарезанный хлеб, в кастрюле черный кофе, а в большом чайнике крепко заваренный чай. Было немного сахара, на столах в зале стояла горчица. Для студенческой вечно голодной братии этого вполне хватало, чтобы подкрепиться. Кое-кто, отужинав, отправлялся спать в общежитие, а остальные дожидались утра и покидали ресторан около шести часов утра перед самым приходом шеф-повара. Ему сдавали дежурство обычно двое: сам сторож и вышибала, но случалось, что приобщался кто-нибудь из друзей. Шеф-повар всех нас знал, и помню, прежде чем отпустить в общагу, угощал чем-нибудь вкусеньким, приготовленным на скорую руку. Чаще всего это была свежее испеченная горячая шаньга, разрезанная ножом вдоль, с вложенным в разрез куском сливочного масла. Со сладким кофе получался восхитительный завтрак.

Ночью в нашем распоряжении находилась вся кухня. В автоклаве обнаруживались говяжьи кости, залитые водой, на бульон, который использовался потом для приготовления первых блюд. Если включать рубильник автоклава в нужное время, бульон становился готовым лишь к приходу шеф-повара. Нас это не устраивало. Мы быстро сообразили, что можно получить бульон значительно раньше, если включить автоклав сразу, как только персонал ресторана разоидется по домам. Теперь примерно через час-полтора мы сливали часть бульона себе для еды, а на его место беззастенчиво заливали воду из-под крана, оставляли автоклав кипеть дальше до утра.

Как-то, обследуя кухню, в поисках съестного, мы нашли алюминиевую кастрюльку с какой-то баландой. Сначала предположили, что это помои, потому не обратили на нее внимание. Однажды, заступив на вахту, мы не обнаружили ни хлеба, ни горчицы. В поисках съестного, кто-то из нас решил проверить, что находится в помоях этой кастрюльки, и выудил небольшие кусочки мяса разных сортов. Утолив голод, кастрюльку оставили в покое. На следующий день нам удалось поймать в ней снова нечто подходящее для съедения. Так продолжалось несколько дней. Как же мы удивились, когда мы узнали, что «помои», оказались бульоном, в котором повара готовили бифштексы. После этого к кастрюльке мы стали относиться с уважением, и если добывали что-то со дна ее, то делали это осторожно чистой ложкой или вилкой, потому что самим иногда приходилось обедать в ресторане за свои деньги.

Изначально в ресторане на ночь оставались двое-трое студентов, чтобы готовиться к зимней сессии. Но затем стала собираться вся компания. Перекусив, раскладывали учебники и тетради с лекциями на столах, обсуждали непонятные вопросы. Однако, когда закончились экзамены, стали собираться скорее по инерции, чем по необходимости, «расслабились», стали играть в шахматы, а вскоре в преферанс. Научил нас этой игре Сережа Гордиенко. Играли «ленинградку», чаще всего «на интерес», но бывало, на деньги в «общий котел», по одной десятой копейки за вист. При такой ставке никто много не проигрывал. Вскоре преферанс так затянул ребят, что стали играть все ночи напролет. В игру втянули одного математика и экономиста, но те быстро сообразили, что учеба важнее, и перестали посещать «игрища».

Я избежал этой заразы, увлекшись музыкой. А с ребятами такая жизнь сыграла злую шутку: большинство из них не сдали следующую сессию и были отчислены из университета. Закончилась, к моему сожалению, и подработка в ресторане. А начиналось все так хорошо.

После, наблюдая со стороны за игроками в карты, в том числе за геймерами (любителями компьютерных и видеоигр), видя в их глазах лихорадочный блеск, я не раз убеждался, что игровая зависимость способна исковеркать жизнь.

2 марта 2014 г.